

рассказ

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Зоя Воскресенская

КРАСНЫЙ БАНТ

*Издательство
„Детская литература“*

May

КНИГА ЗА КНИГОЙ

ЗОЯ ВОСКРЕСЕНСКАЯ
КРАСНЫЙ БАНТ

Рассказы

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

P2
B76

Рисунки С. Забалуева

Обложка В. Шубова

Воскресенская З. И.

B76 Красный бант: Рассказы / Рис. С. Забалуева.—
Переизд.— М.: Дет. лит., 1987.—32 с., ил.— (Книга
за книгой).

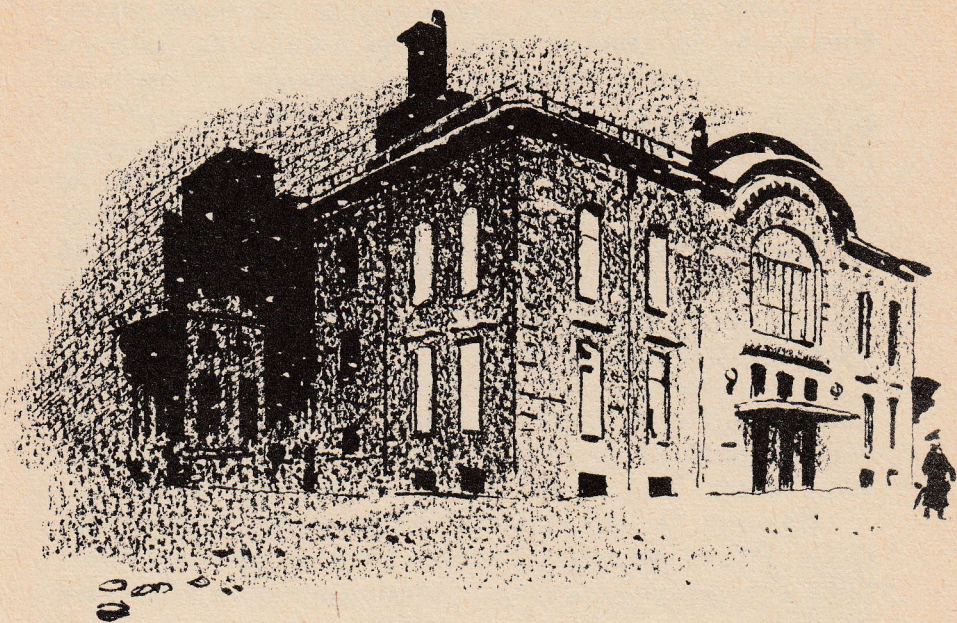
5 к.

Рассказы о детях, юных помощниках партии, которые вместе с отцами
и братьями боролись за свободу и завоевания революции.

4803010102—292
B $\frac{\quad}{M101 (03)87}$ 203—87

P2

Оформление.
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1987 г.

ЯСТРЕБКИ

Василь с ястребками пробирались к саду Народного дома. Егорка заартачился: он уже здесь побывал — хватит! До сих пор помнит, как сторож чуть ухо не оторвал, да вдобавок мать отлупила за порванную рубаху. Это не считая расцарапанных в кустах крыжовника рук.

Василь глянул на него с презрением:

— Бублик с маком! Не может понять: не баловство это. И в саду сейчас ни крыжовника, ни сторожа.

— Просто оробел, — объяснил Ромка и добавил разные другие, не очень приятные для Егорки слова. Но Егорка лезть в сад отказался наотрез.

Ребята перебирались через высокий кирпичный забор. Мешали валенки — большие, не по ноге. Прыгали в пушистый, глубокий сугроб.

В саду рассыпались вдоль забора. Каждый облюбовал себе «бойницу» — отверстие в кирпичной стене, сделанное просто для красоты, а ребятам это было на пользу. Сквозь отверстия можно увидеть кусочек улицы и переговариваться как по трубе.

Василь занял позицию у второй бойницы от угла.

Ромка устроился на старой кривой иве, что росла напротив Народного дома. Пальцы на руках скоро одеревенели, стыли ноги, но Ромка боялся шевельнуться, чтобы не открыть себя.

У подъезда дома в свете фонарей искрилась снежная пыль. По булыжнику цокал подкованными сапогами городской — хозяин улицы, лютый враг всех мальчишек. Только бы он не заметил Ромку!

Наконец в подвальном помещении засветилось окно. Ромка мигом соскользнул с дерева, выждал, пока городской скроется в конце улицы, и вбежал в подъезд.

В зрительном зале кончился спектакль, и публика стала расходиться; в гардеробной стоял шум и толчея. Вместе со зрителями уходили из Народного дома и делегаты Первой петербургской партийной конференции, которая здесь тайно собиралась.

На втором этаже Ромка приоткрыл дверь в комнату. В комнате было много беспорядочно раздвинутых стульев. Лицом к двери стоял небольшого роста человек с крутым лбом. В бородке и усах рыжинки поблёскивают, в глазах — золотые искорки. Он надевал пальто и говорил дяде Ефиму:

— Мы очень хорошо поработали сегодня, Ефим Петрович. Голосование показало, что большевики одержали верх.

Ромка хотел закрыть дверь, но говоривший приметил его и спросил:

— Вам кого, молодой человек?

— Мне дядю Ефима, — ответил Ромка и покраснел: до того у него получилось это не повзрослому.

Ефим Петрович оглянулся.

— Это наш ястребок, Владимир Ильич... Всё в порядке? — спросил он Ромку.

— Вроде всё.

— Мы можем быть уверены? — спросил Владимир Ильич.

— Да! — твёрдо ответил Ромка и снова почувствовал себя взрослым.

Он выбрался с толпой на улицу, пробежался вдоль забора и прижался спиной ко второй бойнице. Слышно было, как в отверстие в стене кто-то дул и громко дышал. Ромка уловил удобный момент и сердито прошептал Василю в переговорную трубу:

— Скажи, чтоб тихо сидели и не пыхтели. Жди моего сигнала.

Мальцы примолкли, но вот Федюнька начал рассказывать, будто в Питере конку возить будут не живые лошади, а «электрические» и будто все те кони в шапках-невидимках и по-иностранному называются «трамвай». Федюнька хотел ещё что-то интересное рассказать, но получил от Василя подзатыльник и замолк.

Ромка пристально вглядывался в проходивших людей. Вот уже перестали хлопать двери Народного дома, и улица опустела. Неужели проглядел? Ему даже жарко стало, и в ушах от напряжения зазвенело. Где-то со стороны Расстанной улицы раздались крики, и туда заспешил городской.

«Наверно, драка», — подумал Ромка.

Из подъезда Народного дома вышли двое. Один был длинный и худой — это дядя Ефим, а во втором, одетом в тёмное пальто и высокую мерлушковую шапку, Ромка узнал человека с золотой искоркой в глазах, которого дядя Ефим называл Владимиром Ильичём.

Вот из-за угла вынырнул какой-то барин в долгополом пальто и в котелке, с тросточкой в руках. Мелким быстрым шагом он пошёл следом за дядей Ефи-

мом и его спутником. Шёл крадучись, как кот, и даже снег не скрипел под его ногами.

Это был шпик.

Ромка знал, что шпик будет теперь как тень следовать за Владимиром Ильичём и где-нибудь по дороге укажет на него жандармам, а те арестуют его и посадят в тюрьму.

Время было тяжёлое. Шёл 1906 год, второй год русской революции. Царь не жалел патронов против революционных рабочих, не скупился на тюрьмы для них.

Но рабочие не сдавались.

Ромка пошёл навстречу шпику.

Шпик набавлял ходу. Вдруг перед ним, как из-под земли, вырос парнишка в куртке не по росту и в шапке, надвинутой на глаза.

— Дяденька, скажите...

Шпик только рукой махнул:

— А ну тебя!

Но парнишка пошёл рядом, и было ясно, что он не отступит до тех пор, пока не решит занимавший его вопрос.

Так и шагали они бок о бок: жандармский слуга в одежде барина и питерский мальчишка в дырявых валенках и нищенской одежде, но с чистым и смелым сердцем.

— Дяденька! — вдруг крикнул что есть мочи Ромка, когда они поравнялись с кирпичным забором, и стал на панели, преградив путь врагу.

В то же мгновение с забора стали сваливаться на шпика Ромкины и Василёвы ястребки.

Василь стоял на верху кирпичной стены и командовал:

— Федюнька, сигай ему на спину, дьяволу! Сёмка, забегай вперёд!

— Смелей, не робей! Валяй, поддавай! — подбадривал Ромка.

Федюнька спрыгнул со стены, но его опередил свалившийся с ноги дедов валенок, и кто-то в

пылу свалки шибанул этот валенок в сторону.

Василь был уже внизу. Мальцы все вместе окружили барина, что-то кричали, на кого-то жаловались, замахивались друг на друга кулаками и цеплялись за руки шпика. Шпик пытался оторвать их от себя, высвободиться, ругался и наконец завопил: «Кар-раул!» — но его крик потонул в ребячьем галдёже.

Откуда-то появился Егорка. Он схватил валявшийся на панели валенок и с победным криком ринулся в свалку.

Шпик поскользнулся и упал, увлекая за собой ребят, котелок слетел у него с головы.

Ромка выбрался из гурьбы ребят и огляделся. Ему было жарко, он тяжело дышал.

Из темноты выплыла длинная тень. Это возвращался дядя Ефим. Он был уже один.

— Вы чего буяните? — зашумел Ефим Петрович, притворяясь сердитым. — Зачем человека с ног сбили? Вот я вам сейчас! А ну, расходись!..

Ястребки мгновенно разлетелись в стороны, и дядя Ефим хотел помочь шпику подняться на ноги. Но шпик со злостью оттолкнул его, нахлобучил котелок, который услужливо подал Василь, выхватил из кармана свисток и принялся изо всех сил свистеть.

Городовой не появлялся. Его ещё раньше отвлекли рабочие-дружинники.

Свирепо ругаясь, шпик побежал по направлению к полицейскому участку.

У стены стоял Федюнька. Он засунул обе ноги в один валенок и не мог двинуться с места. Из-за дедова валенка ему не пришлось участвовать в таком важном деле.

Ромка вырвал валенок у Егорки:

— Тоже храбрый нашёлся — чужим валенком воевать!

Ребята окружили дядю Ефима.

— Беги на угол Расстанной, — приказал Ефим Петрович Василю, — там рабочий-дружинник Гаври-

ла Иванович стоит, они городского задержали, скажи ему: «Шабаш, всё в порядке».

Василь помчался. Дядя Ефим пошёл по улице. Мальчишки двинулись за ним. Шли молча, поглядывали на дядю Ефима и всё ждали, что он скажет. А он только хитро посмеивался в усы.

— Ну, чего там разговаривать,— наконец сказал он.— Большую помощь дружинникам оказали, важное поручение выполнили. Дорогому человеку помогли. Так-то...

Они шагали сейчас по улице и были её хозяевами. Порошил снежок.

Старая кривая ива стояла в нарядном инее.

Улица была чистая.

КРАСНЫЙ БАНТ

Ромка с отцом встали чуть свет и вышли во двор. Свежий майский ветер гулял по улицам, шевелил тощие и ещё голые кусты акаций, сметал с дороги мусор, продувал затхлые улочки и переулки питерских окраин.

Отец и сын сели на скамейку, прислушались. Было тихо-тихо. Вот и солнце встало, но ни один фабричный гудок так и не нарушил праздничного покоя этого утра. Даже конки не позванивают. Заводские трубы не дымят, и небо ясно. Питерские рабочие сегодня бастуют.

— Тишина! — хлопнул Иван Филиппович по плечу сына. — Понимать надо!

Из открытой двери кухни потянуло запахом горячих праздничных пирогов. Мать позвала пить чай. Отец ел, прислушивался и говорил:

— Слышишь, мать, какая тишина...

После чая он надел праздничный пиджак, поло-

жил в карман аккуратно сложенный красный бант. Под пиджак спрятал полотнище флага. На одной стороне его было написано «Долой самодержавие!», на другой — «Да здравствует Первое мая!».

Ромка не просился идти с отцом, и мать была рада-радёшенька. Она и за отца-то волновалась, а за сына вдвойне. Вон полиция как лютует.

Отец подмигнул сыну — действуй, мол, — и ушёл. Матери вдруг стало жалко Ромку.

— Ты бы, сынок, пошёл к голубям, что ли...

Ромка посмотрел на мать — не ослышался ли он? Она всегда ругала его за голубей — и занятие пустое, и крыша-то ветхая, вот-вот обвалится, — а сегодня сама посылает.

Он мигом вскарабкался на крышу, согнал лентяев, притулившихся на коньке. Внезапно, словно вспыхнув на солнце, появился любимец турман. Развернув веером хвост и прижав к телу лапки, голубь кувыркнулся через голову. Над самой крышей он вдруг расправил крылья и уже хотел было опуститься, но Ромка схватил шест с тряпкой на конце, покрутил над головой, и турман исчез в голубой выси.

Пронзительный свист заставил Ромку оглянуться. Василь в ярко-голубой рубашке, в полосатых плисовых штанах, заправленных в сапоги, стоял у изгороди. Ромка скатился с крыши и побежал в дом.

— Мам, дай новую рубашку, пойду на улицу. Сегодня все гуляют.

— Надевай, — нехотя ответила мать и вынула из сундучка сатиновую, шуршащую, приятно пахнущую новизной рубашку. — Не вздумай только на Невский идти. Угодишь ещё в кутузку.

Ромка переделался, подвязал рубашку пояском. Кинулся под кровать и вытащил сапоги, по пути сорвал картуз с гвоздя.

— Ромка-а-а! — крикнула мать, распахнув окно. — Ромка-а, вернись!

А он уже исчез, только пыль волновалась над дорогой. Раз взял сапоги, значит, пойдёт на Невский.

Но Ромка и Василь держали путь совсем в другую сторону. Шли они в Волков лес. По дороге завернули к Василию. Выкопали из опилок в сарае пачку красных флажков и банты, разделили их, и каждый засунул свою долю за пазуху.

Около булочной, где работал отец Василя, толпились пекари. По всему переулку вкусно пахло ситными и кислым ржаным хлебом. В день Первого мая пекари постановили не работать, а чтобы народ не остался в праздник без хлеба, выпекли его ночью.

Отец Василя сунул ребятам по баранке и сказал:
— В лесу встретимся.

Приятели свернули на Лиговку. На заборах и стенах всюду белели прокламации, и перед каждой стояли люди.

Ромка и Василь подошли к дому жандармского начальника. Здесь они вчера тоже наклеили листовку. Жандарм, конечно, бастовать не будет, но пусть знает, что рабочий люд не особенно-то его боится.

На дверях жандармского дома листовки не было.

— Наверно, когтями скребли, потом святой водой кропили, — прошептал Ромка. — Я на эту листовку клейстеру истратил — ужас! Прямо в дверь вросла.

Навстречу ребятам ехала почти пустая конка. Рядом с кучером сидел жандарм, опираясь на саблю. Сегодня кучеров городской конки выводили на работу под оружием. Рабочие предпочитали идти пешком.

Ромка и Василь миновали Волково кладбище, перешли через мост. От речки Волковки мимо еврейского и татарского кладбищ бежали полем до леса.

На опушке собрались ястребки.

— Кажется, все, — оглядев своих помощников, сказал Ефим Петрович.

Он одёрнул пиджак, приосанился, приколол к отвороту красный бант и торжественно сказал:

— Поздравляю вас, товарищи, с рабочим праздником Первое мая!

— Вас тоже с праздничком! — хором ответили ребята.

Ромка и Василь вытащили из-за пазухи флажки и банты.

Флажки отдали Ефиму Петровичу, а банты раздали ребятам. Теперь все они стали участниками маёвки.

Ромке и Василию дядя Ефим велел засесть у дороги в канавке, заросшей кустарником. Это был очень ответственный пост — передний край. Отсюда была видна дорога до самого моста. По дороге шли люди парами, в одиночку, но шли густо. На опушке их встречали дружинники, спрашивали, кто такие, и пропускали в лес.

Начался митинг. Из лесу доносились рукоплескания, дружный смех, пение «Марсельезы».

Ромка первый увидел, как за мостом по дороге за клубилась пыль. Вскоре уже можно было различить всадника. На конях на маёвку не ездят. Значит, чужак.

Ромка толкнул Василя в бок — смотри, мол, в оба — и пополз по канавке к «штабу», прижавшись к земле, позабыв о своей новой рубашке.

Василь продолжал следить за всадником. Вот он приблизился, и мальчик чуть не ахнул: это был тот самый жандармский начальник, которому они вчера на дверь наклеили прокламацию.

Из лесу донёсся дружный смех. Жандарм круто осадил коня и, перебросив поводья в левую руку, правой принялся крутить ус.

В лесу загремело «ура». Всадник перехватил поводья правой рукой, напряжился, готовясь пустить коня рысью, и в тот же миг перед ним выросли дружинники. Сильные руки стащили жандарма с коня, отобрали оружие.

— Завяжите ему глаза, чтобы он наши личности не заметил! — приказал Ефим Петрович.

Жандарм от ярости лишился было языка, потом лицо его налилось злой кровью, и он стал оглушительно ругаться.

— Просим извиненьца за беспокойство, ваше

благородие, — сказал Ефим Петрович. — Придётся вам сегодня тоже бастовать. День такой.

Дружинники скрутили ему руки и повели в кустарник.

Ромка вернулся на передний край.

...Маёвка продолжалась. Играла гармошка, и под неё лихо отплясывали русскую. В другом конце под гитару пели песни.

А потом снова выступали ораторы с речами о революции, о свободе, о счастье для всех людей.

Кусты орешника были расцвечены флажками. Посреди поляны у знамени стоял Ромкин отец.

Молодой парень, сидевший на пеньке, растянул гармонь, прижался к ней щекой, и все запели:

Пасмурных буден кинем заботы,
Звук позабудем наших цепей,
Каторгу жизни, тяжесть работы,
Праздник майский встретим дружей!¹

Не успели допеть песню, как на поляну примчались Ромка и Василь.

— Казаки! Казаки на конях!

— Рассыпаться по лесу! — приказал дядя Ефим.

Замолкла гармонь. Оборвалась песня. Дружинники унесли знамя. Рабочие побежали в глубь леса.

Ломая кусты и сучья, казаки пробирались на поляну.

Ромка бежал и чувствовал позади себя тяжёлое дыхание. Вот грубая рука схватила его за плечо. Ромка сорвал с себя красный бант и сунул за пазуху.

— А ну-ка, щенок, давай сюда!

Казак отпустил плечо, но резкая боль обожгла Ромкино лицо. Он упал.

— Ах ты гад! — кричал кто-то из рабочих. — Нагайкой бить!

¹ Песня неизвестного автора из первомайской прокламации 1906 года.

Рабочий помог Ромке встать, другие оттеснили казака, и все вместе побежали в лес.

Казаки рыскали по лесу. В густом кустарнике они увидели странную фигуру: у человека в жандармской форме были завязаны глаза, руки скручены за спиной, сабля и револьвер болтались на шее. Странная фигура не решалась двинуться с места, видимо боясь наткнуться на дерево. На неё нельзя было смотреть без смеха.

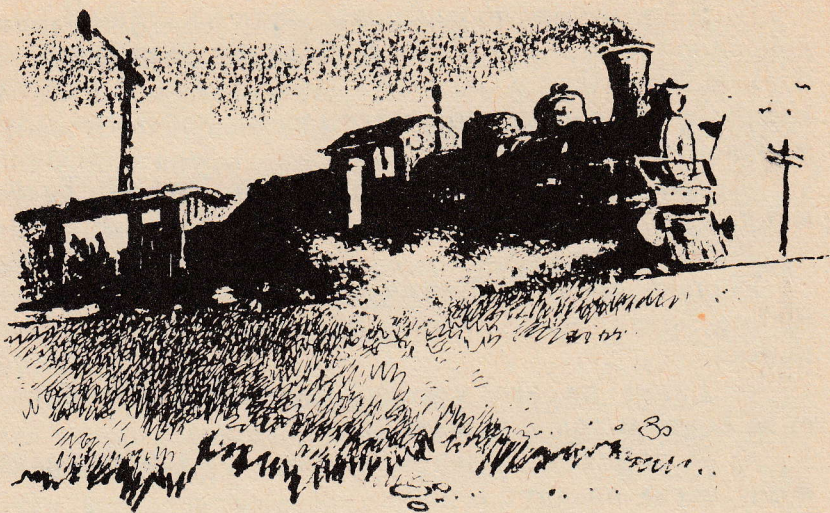
Это был пленный жандарм, отпущенный рабочими на свободу.

...Ромка с отцом вернулись домой к вечеру. Мать сидела на крыльце и, пригорюнившись, ждала их. Увидев сына, всплеснула руками. Наискось через Ромкино лицо шёл багровый рубец, правый глаз совсем закрылся.

— Ничего, мать, ничего, не плачь, — успокаивал жену Иван Филиппович. — Парень получил боевое крещение. Понимать надо! Не дал надругаться над рабочим знаменем! Покажи-ка, сынок!

Ромка положил на стол и аккуратно расправил красный бант из кусочка серпянки.

«РОТ ФРОНТ»

1

Ночью Женька проснулся от боли в животе. Пошарил ногой, нащупал мягкую, тёплую шерсть, ухватил за шкурку Керзона и сунул себе под бок. Керзон привык к обязанности обогревать Женькин живот; он перебрал лапками, покорно улёгся и замурлыкал.

Боль затихала. Женька блаженно дремал и готов был опять нырнуть в сон, как вдруг услышал такое, от чего спать сразу расхотелось.

— Правильно! Медлить нельзя, иначе революция погибнет!

Это сказала Зинка.

Женька открыл глаза. На окне двумя неровными копящими рогами догорала лампа. Над столом склонились две головы: Зинкина и Бориса.

— Тс-с-с! — приложил палец к губам Борис.

Оба взглянули в угол, где на сундуке, рядом с кроватью матери, спал Женька. Свет керосиновой лампы не достигал тёмного угла, и Зина с Борисом опять зашептались.

— В Гамбурге рабочие сражаются с полицией... — доносился голос Бориса. — В Берлине баррикадные бои... В Тюрингии и Саксонии власть Советов... Наши сердца с германским пролетариатом... поможем германской революции.

— Закончить надо приветствием Эрнсту Тельману, — добавила Зина.

— Это само собой!

Женька спихнул Керзона на пол — живот больше не болел, и он понял, что ему медлить тоже нельзя.

— Будет на вас угомон, полуночники? — спросила сонным голосом мать.

— Я пойду, — спохватился Борис. — Сбор в райкоме, поезд подадут к депо.

— А если она не пустит? — Зинка кивнула головой на мать.

«Вот шляпа, — подумал Женька, — такое дело, а она — «мама не пустит».

Ответа он не расслышал.

Борис аккуратно сложил большой лист бумаги и сунул его за картину, где лежали выкройки.

— Не забудь взять, — предупредил он.

Зина кивнула головой.

Противно запахло керосиновой копотью — это сестра задула лампу. На сером фоне окна видно было, как Зина приподнялась на цыпочки и поцеловала Бориса. Женька разочарованно вздохнул: «Эх, Борис, с кем целуется! С Колчаком дрался, от самого Фрунзе револьвер с надписью получил, и такие телячьи нежности».

Он закрыл глаза. Сон только того и ждал.

2

Учительница объясняла про варягов и греков, а Женька думал — кому он может доверить свою тайну. В классе три пионера — это если не считать

самого Женьки. Кому же, Янеку? Янек хороший товарищ, отлично учится, но уж больно дисциплинированный, в драке держится в стороне... Косте? Тот самым нечестным образом переманивает у Женьки голубей, и потом, у него слабая грудь — такого дела ему не осилить... Наташке? Вон она сидит на последней парте. Ну уж нет, куда ей, она всего боится: однажды ей на плечо с берёзы упала серёжка, а она вообразила, что это гусеница, и так завизжала!

Но не может же человек ходить с тайной в груди!

На перемене Женька успел шепнуть Янеку, что есть важный разговор и чтобы тот после пионерского сбора приходил на сеновал, а пока пусть терпит и ни о чём не спрашивает.

3

После уроков все четверо побежали на завод, в пионеротряд.

Ещё до окончания смены ребята пришли в жестяной цех. В цеху стоит весёлый звон и лязг. Мерно скользят снизу вверх и опять вниз широкие приводные ремни. Рабочие окунают чёрные железные листы в ванну с расплавленным цинком, а обратно большими щипцами вынимают отливающие серебром листы. Визжат, скрежещут огромные ножницы, из-под них выползают выкроенные вёдра, бидоны. Жестянички в своё удовольствие колотят деревянными молотками на куске рельса по этим выкройкам, загибают их, делают пазы, сцепляют, и вот уже на тележке едут к паяльщикам блестящие вёдра, бидоны, умывальники.

Вожатая Зина сидит на низенькой скамейке перед печкой, вытаскивает рдеющий паяльник, подносит к нему светло-серую палочку и ловко направляет струйку олова на шов. Прогладит шов паяльником, обведёт им вокруг дна — и ведро готово. Здорово!

Загудел гудок, придавил заводские шумы. Ремни пошлёпали по валам и повисли. Выключили воздуховодку — пламя в печах перестало реветь и сникло.

Зина оглянулась на пионеров, вскинула над головой руку в салюте, живо сложила инструмент, сдёрнула с себя большой фартук. «Айда в клуб!» — и зацокала по каменным ступенькам деревянными башмаками.

Ребята — за ней.

Комсомольцы и пионеры готовились к празднику — к шестой годовщине Октября.

В клубе шума было ещё больше.

В музкомнате играл струнный оркестр. В другой — шла спевка хора. На сцене началась репетиция. Разучивался «Левый марш» Маяковского. Наташка вышла в бумажной короне и с большой книжкой в руках.

Борис из-за сцены кричал:

Эй, девчонка, брось читать сказки!

Миша ласково уговаривал:

Не мечтай стать королевой.

А выстроившиеся в ряд комсомольцы в синих блузах звали её:

Шагай с нами,
левой!
левой!
левой!

В середине зрительного зала стулья были раздвинуты, и комсомольцы строили живую пирамиду. Женька должен был её венчать. Он живо взобрался на плечи парням, затем ещё выше — на плечи двух девушек и, выпрямившись, развернул красное знамя, да так стремительно, что чуть не разрушил пирамиды.

Дома Женька швырнул сумку с книжками под стол, выхватил из-за картины Борисову бумагу и рассыпал выкройки. Собирать их было некогда.

— Жень, опять бежишь? Поешь что-нибудь, и так костями гремишь, в чём только душа держится. Последних слов матери Женька не слышал.

На сеновале его ждал Янек. Едва переведа дух, Женька торжественно выпалил:

— Комсомольцы едут спасать германскую революцию. Сегодня ночью. Честное пионерское. Слышал сам. Провалиться мне на этом месте, если вру. Сам Жорка — секретарь райкома — едет.

Янек посмотрел на него широко раскрытыми глазами:

— А мы?

— Вот то-то — мы. Соображать надо. — Женька вынул из-за пазухи книжку, похожую на сдвинутую гармонь, и положил её на сено, смахнул в сторону выпавшую из книжки выкройку рукава. — Посмотрим, что за штука.

Книжка не листалась, её пришлось развернуть, как большой плакат.

Это была политическая карта Германии, вся испещрённая флажками, нарисованными красным карандашом.

Особенно густо флажки покрывали Рурский бассейн, Саксонию, Тюрингию. Флажками были окружены Берлин и Гамбург.

— Военная карта! — ахнул Женька. — Как у самого Ленина в Смольном. Без карты никак нам нельзя. Давай-ка поищем, где у них там Зимний дворец.

Он прищурил и без того маленькие карие глазки и принялся всматриваться в большой синий кружок, над которым стояло слово «Берлин», но ничего не увидел.

— Так едем? — спросил Женька.

— Раз они едут, нам тоже надо, — нерешительно согласился Янек.

— Они комсомольские билеты с собой возьмут, а мы с чем явимся?

— У нас пионерские галстуки, — резонно сказал Янек.

— Этого мало. Надо, чтобы с фотографией, честь по чести, как мандат.

Женька повернулся на спину и стал соображать. Перед его глазами на балке пузырилось серое осиное гнездо.

— Вот тоже буржуи твердолобые. Сколько ни уничтожай — всё равно свои гнёзда лепят. — Он вынул из кармана нож, сделанный из расплющенного под паровозом гвоздя, срезал гнездо и брезгливо выкинул в слуховое окно. — Придумал, придумал! — вдруг воскликнул он и принялся что-то шептать на ухо Янеку.

У того лицо расплылось в довольной улыбке. Женька от радости даже стойку на голове сделал, шлёпнулся на сено и заболтал ногами.

— А какую шамовку с собой возьмём? Комсомольцы берут на сутки. — Женька вспомнил ночной разговор у коптящей лампы. — В газетах пишут — голод в Германии. Наверно, как у нас в позапрошлом году. Германским рабочим есть нечего, а мы сейчас каждое воскресенье булки белые сладким чаем запиваем. Срамота!.. А булки такие тёплые, душистые, с жаристым хребтом. — Эти слова он произнёс мечтательно и мрачно добавил: — Только в прошлом году я этих булок объелся, и с тех пор у меня живот болит.

— У них, наверно, и сала нет, — сказал Янек, — а у нас в чулане вот какой кусище висит. Спрошу у матери.

— Просить нельзя, тайну выдашь. Самому взять надо.

— Пионерам воровать нельзя, — возразил Янек.

— Так это не воровство, если для мировой революции. Мы же не сами есть будем.

Янек упорствовал:

— Всё равно нельзя!

— Зинка даже своё колечко, хорошенькое такое, с голубым камешком — ей бабушка подарила, — рурским горнякам послала. Не пожалела.

— И я бы тоже отдал, — отозвался Янек, — если бы оно моё было.

— Я б не только колечко, я бы всех голубей пожертвовал, вот честное пионерское! Только их не берут... Давай письмо писать и под сено подложим. К весне корова сено съест, письмо найдут и узнают, что мы погибли не зря.

— А мы должны погибнуть? — спросил Янек дрогнувшим голосом.

— А как ты думал? Это тебе не груши околачивать. Мы должны как в песне: «И как один умрём в борьбе за это!»

— За что? — спросил Янек.

— За германский рабочий класс, за мировую революцию...

Женька лёг на живот, оторвал кусок от маминой выкройки, послюнявил огрызок карандаша и стал писать:

«Дорогие родители! Мы поехали спасать германскую революцию. Когда погибнем — не плачьте».

— Вот и всё. Писать больше нечего, а то они от телячьих нежностей будут больше расстраиваться.

Женька перечитал письмо и подписался. Янек, низко наклонившись над бумагой, долго выводил свою подпись. Женьке слышалось, что он всхлипывает.

— Ты чего? — поднял он голову приятеля.

— Мне бы хотелось, чтобы и революция победила, и чтобы мы живы остались, и чтобы я потом с папой поехал освобождать нашу Ригу от буржуев.

Женька задумался.

— Может быть, и не погибнем! Вот Борис с самим Колчаком дрался и не погиб. — Женька развернул письмо, зачеркнул одно слово и надписал над ним

другое. Получилось: «Если погибнем — не плачь-те». — Я с тобой тоже поеду твою Ригу освобождать, обязательно поеду.

5

Ещё на крыльце Женька услышал, как расшумелась Зинка.

Пропала карта, и Керзон порвал бумажные выкройки. Один рукав — самый трудный — исчез бесследно.

В наказание мать спустила Керзона в погреб, чтобы он там ловил мышей и не шкодил в комнате. Зинка грозилась унести его в лес и оставить волкам на съедение.

— Настоящий империалист, — бранилась она.

Мать с сестрой шарили по всем углам, разыскивая выкройку и карту.

Женька, от греха подальше, пробежал в кухню, открыл крышку погреба и мигом спустился вниз. Выбрался обратно с Керзоном на руках — кот сидел на странно оттопырившемся животе хозяина. Картошку Женька вытряхнул из-под рубашки и закопал в сено. Прижимая к себе Керзона, помчался за ворота.

— Эх, дурак ты, дурак, — говорил Женька своему любимцу, — не мог сбежать. Будто и взаправду лорд Керзон! Не бойсь, я тебя в обиду не дам.

Женька постучал в окно к Наташке и вызвал её на крыльцо.

— На, возьми... Хороший он, настоящий сибирский, и вовсе не шкода, и не империалист. Керзоном его зовут. Но ты ему другое имя дай, не позорь кота. А если на другое имя отзываться не будет, поточи нож о сковородку или плиту — будто мясо резать собираешься, он мигом явится.

— А почему ты его отдаёшь? — спросила опешившая от удивления Наташа.

— Потом узнаешь.

И Женька исчез.

После ужина Зина не пошла в клуб, сказала больно́й. Же́нька одетый нырнул под одеяло и боялся закрыть глаза, чтобы его не подкараулил сон. Мать подивилась, что это случилось с её детьми, и сама легла спать пораньше.

Ходики тикали особенно громко.

«Чего же она не идёт? — тревожился Же́нька. — Неужели не поедут? Может быть, заснула и я вместе с ней на бобах останусь?» Но вот скрипнула за шкафом кровать, и тут же распахнулось окно. Зинкина тень качнулась на подоконнике и нырнула в темноту. Из сада потянуло сыростью, запахом опавших листьев.

— Кто это окно открыл? Простудитесь! — сказала мать, встала, закрыла окно и задвинула шпингалет. — Убежала-таки, не выдержала, — проворчала она.

«Всё пропало, — похолодел Же́нька. — Шпингалеты тугие, визжат, когда их вытягиваешь. — Он сосчитал до ста, сполз с сундука, взял в руки сандалии, пробежал на цыпочках в кухню, откинул крюк и вышел через дверь. — Никакие воры не заберутся. Откуда им знать, что у нас сегодня дверь не заперта».

На улице было холодно. Над садами висела туманная дымка, и сквозь неё проглядывало расплывчатое лицо луны. Влажные листья яблонь шлёпали по щекам. У Же́ньки дробно застучали зубы.

Янека за воротами не было. Же́нька опять стал считать до ста. «Не придёт — поеду один... Проспал? Сдрейфил? Восемьдесят, восемьдесят один...» Же́нька нарочно не спешил считать.

Вот он, бежит.

— Ты чего? — накинулся Же́нька на приятеля.

Но выяснять было некогда, а Янек не хотел признаться, как трудно ему было уйти без разрешения из дома.

В ночной тишине пыхтели маневровые паровозы, ощупью перебирая по рельсам колёсами. Как светляки, мерцали зелёные и красные фонари стрелочников. Обходя подалее огни, ребята добрались до депо. У поворотного круга стоял готовый поезд из теплушек. Двери вагонов были раздвинуты, под толчком покачивались фонари, освещая белые новенькие скамейки.

— Этот самый, — прошептал Женька.

Вдоль поезда шёл составитель с фонарём и постукивал молоточком по буксам: проверял, есть ли смазка. Вот он прошёл в хвост — можно забираться. Ребята облюбовали головной вагон: свет фонаря у депо его не освещал.

Женька кинул в вагон узелок с картошкой и, ухватившись за край железной рейки, по которой двигалась дверь, подтянулся. За ним — Янек.

В вагоне Женька по-хозяйски огляделся:

— Считай, что мы уже в Германии. Залезем под скамейку в угол, ни один чёрт не увидит. Вылезем только в Берлине. Выдержишь?

— Выдержу, — твёрдо ответил Янек.

— Если захочешь чихнуть, нажми пальцем под носом, и чих пройдёт. Одолеет кашель — глотай слюну. Ну, давай устраиваться.

Ребята растянулись плашмя под скамейкой — голова к голове. Женька вытянул ноги и зацепил за какую-то деревяшку. Деревяшка сдвинулась с места — звякнуло железо.

— Под скамейками винтовки, осторожно, — прошептал Женька, — я как двинул ногой о приклад... Эх, взять бы по одной винтовочке, да куда спрячешь? Помолчали.

— Жалко, что языка ихнего не знаем. Одно слово «камрад».

— Я знаю, — сказал Янек. — «Рот Фронт» — это всё равно что «Будь готов». Только они поднимают

сжатый кулак, что значит: все вместе, дружно. Мне отец объяснял. «Нидер мит дем империализмус!» — это значит: «Долой империализм!»

— «Рот Фронт», — несколько раз повторил Женька и сжал кулак.

Вагон сильно трянуло.

— Прицепили паровоз. Теперь скоро, — сказал Женька.

Он лежал и думал о том, что его ждёт. Может быть, выпадет счастье сразиться с самим буржуйским правителем Штреземаном. Сразиться и победить.

— Янка, как сказать по-немецки «Подыхай, старая крыса»?

Этого Янек не знал. Он думал о матери. Надо было бы спросить её, может быть, и отпустила. Но теперь поздно.

Женька вытягивал поочерёдно ноги и щупал приклады; чуть звякали штыки.

«Трёхлинейные», — подумал он восхищённо и, представив себе, как он с винтовкой в руках кинется в атаку, чуть не крикнул: «Нидер мит дем империализмус!» — но у вагонов захрустел гравий, будто табун коней овёс жевал.

— Идут! — шепнул он. — Теперь ни гугу!

Послышалась команда Жоры «грузиться». Зашаркали ноги.

Вагон стал быстро заполняться. Над самой головой Женьки заговорили девчата. В голосе одной из них он узнал Зинку. «И здесь она! Значит, и Борис в этом вагоне».

Перед глазами «зайцев» мелькали ноги, обутые в чувяки, в туфли на верёвочной подошве, в сандалии. Проскрипели кожаные башмаки — это фронтовики.

Комсомольцы рассаживались по скамейкам. В вагоне стало шумно. Слышно было, как постукивали в стену молотком.

— Ребята, бюллетень сегодня был? — спросил кто-то.

— Нет, не было.

Женька и Янек потёрлись лбами. Раз бюллетеня не было, значит, в здоровье Владимира Ильича никаких ухудшений нет, значит, дело идёт на поправку. «Как Ильич?» — было первым вопросом по утрам в школе, в пионеротряде, в комсомольском клубе, на заводе — везде, повсюду.

Молоток постукивал. Комсомольцы прикрепляли к стене портрет Ильича.

— Эх, если бы Ильич здоров был, и Тельману было бы легче, и германскому пролетариату веселее. — Это сказал Борис.

Вагон дёрнуло, и ребята чуть не выкатились из-под скамейки.

Загромыхали винтовки, и один приклад больно ударил Женьку по ноге, по самой косточке.

Поехали!.. Сердце у Женьки забилося громко, как маятник у ходиков ночью.

В вагоне заговорили все разом, не разберёшь, потом все примолкли. Поезд шёл мимо комсомольского клуба.

— А клуб-то мы отмахали на ять!

— На большой палец!

— А был-то просто склад, и даже без пола.

Женька понял, что комсомольцы прощаются со своим клубом, куда они больше не вернутся, и ему самому до слёз стало жаль расставаться с клубом, и он подумал о том, что кто-то другой, а не он будет венчать пирамиду физкультурников 7 Ноября.

— Я не боюсь смерти! — Это говорил Миша Лившиц. — Я, ребята, согласен погибнуть на баррикадах, готов сколько угодно пролежать в могиле, но чтобы при коммунизме меня разбудили хоть на минутку. Я посмотрел бы, что и как, и тогда согласился бы умереть навеки.

«Я тоже», — подумал Женька и тронул лбом голову Янека.

Янек кивнул головой: согласен, мол.

— Миш, расскажи, что ты увидишь, когда тебя

разбудят? Только не знаю, добудятся ли тебя. По-спать ты любишь.

— Первого увижу тебя, Борис, тебя — мирового насмешника.

— Нет, я серьёзно. Скажи, как ты узнаешь, что на земле наступил коммунизм,— по витринам, по домам?

— Скажи, скажи, Миша,— просили ребята.

Миша помолчал...

— Я пройду по улицам нашего города, я не посмотрю ни на дома, ни на витрины, я загляну в глаза людям. И, если не увижу в них страха, не увижу недоверия, равнодушия, я пойму, что на земле коммунизм!.. Вот тогда я скажу...

— ...«чёрт возьми», скажешь ты,— перебил его Борис,— «а ведь мне вовсе не желательно умирать навеки, разрешите, дорогие товарищи, пожить при коммунизме!»

— Факт,— согласился Миша.

Кругом засмеялись, и Женька понял, что ему тоже не хочется умирать.

— Давайте споём,— предложил Борис.— Слышите, в других вагонах поют.

Вздохнула гармонь.

Наш паровоз, вперёд лети,
В Коммуне остановка,
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.

— Кстати, о винтовке,— вспомнил Борис,— послезавтра нам сдавать экзамен по боевой подготовке. Давайте-ка повторим... Видите?

— Видим,— ответили хором комсомольцы.

Женька и Янек ничего не видели, кроме теней от болтающихся ног.

— Это револьвер системы «наган». Как называется эта часть?

Женька слушал внимательно, но понять не мог. Чего только в этом нагане не было: и барабан, и ствол,

и мушка. И как Женька ни закрывал по команде Бориса левый глаз и как ни старался представить себе мушку, летающую в какой-то прорези, — изучить материальную часть нагана, лёжа под скамейкой, он так и не смог. Янек тоже сердито вздыхал.

— Боря, расскажи, как вы Колчака надули...

Поезд стал замедлять ход. Колёса на стыках рельсов стучали всё реже и реже. Вот паровоз, словно выбившись из сил, спустил пары и остановился.

8

Что такое? Почему остановка?

Кто-то приоткрыл пошире дверь.

— Уже станция Средняя.

— Выходи-и-и! — прозвучала команда.

Комсомольцы стали выпрыгивать из вагона.

Рассветало. В открытые двери Женьке было видно бесконечное мокрое поле с пожухлой картофельной ботвой. Пахнуло сыростью. Утро было пасмурное.

Борис спрыгнул последним.

Женька зашептал:

— Станция Средняя. Рядом артсклад. Понимаешь? Оружие будут давать, наверно, всем не хватило.

— А мы выйдем? — спросил Янек.

— Нет, подождём, чего доброго, обратно вернут.

Комсомольцы строились на насыпи перед вагонами. Секретарь райкома начал переключку:

— Борис Лещинин!

— Здесь!

— Васильева Зина!

— Я!

— Миша Лившиц!

— Он самый!

— Володя Бобров!

— Да!

— Ваня Матвеев!

Молчание.

— Матвеев, где ты?

Женька видел, как комсомольцы поворачивали головы, ища по рядам Ивана.

— Ванька был на сборе, а по пути он куда-то исчез! — крикнул Володя Бобров.

— Может быть, отстал? Нogu поранил? Надо было проверить при посадке.

— И так, мы вычёркиваем Ивана Матвеева из списка. На одного бойца будет меньше, — сказал Жора Спичкин.

9

Женька не помнил, как он вылез из-под скамейки, как подбежал к открытым дверям теплушки и крикнул:

— Нет, не будет на одного бойца меньше. Запишите меня!

Ряды смешались. Все головы повернулись к головному вагону.

— Это что за шкет? — спросил удивлённо Жора. — Откуда взялся?

— Я вместо Ивана Матвеева, — твёрдо ответил Женька, спрыгивая на землю.

— Подойди-ка сюда! — подозвал его Жора.

Комсомольцы посмеивались.

Женька одёрнул рубашку, захватил с пола вагона узелок и подошёл красноармейским шагом. Когда он проходил мимо Зинки, она зашипела: «Ты с ума сошёл, вот отправят обратно пешком, будешь знать», но Женька даже глазом не моргнул.

— Ты комсомолец? — строго спросил Жора.

— Нет, комсомольского билета пока нет, но у меня есть вот что... — Женька положил узелок с картошкой на песок, вынул из-за пазухи кусок картона и протянул его секретарю.

Жора принялся внимательно рассматривать. Глаза его смеялись.

— Это что же?

— Не видите? — удивился Женька. — Вот Владимир Ильич Ленин, а вот я. — И Женька ткнул пальцем в фотографию.

Жора присмотрелся. Это была фотография первого пионерского отряда в Заречье. Двадцать босых мальчишек и три девчонки с пионерскими галстуками окружили большой портрет Ильича. Одни выглядывали поверх рамы, другие сидели, прижавшись к портрету. Женька стоял сбоку у самого портрета, как часовой.

— Этого вам мало? — спросил он внушительно.

— Нет, вполне подходяще, — ответил Жора. — Ну что же, ребята, внесём в список нового бойца нашего отряда. Как зовут тебя? — спросил он Женьку.

— Евгений Васильев.

— ...бойца Евгения Васильева. — И Жора оглядел ряды. — Парень он вроде неплохой, рядом с Владимиром Ильичём Лениным сфотографирован.

— Записывай! — раздался голоса.

Женька облегчённо вздохнул и оглянулся на вагон.

— Ну, тогда и моего дружка Янека записывайте. Я за него ручаюсь, он тоже на этой фотографии есть и немецкий язык знает, может быть переводчиком.

Янек, смущённый, появился в дверях вагона.

— Может быть, у тебя там и другие дружки есть, давай и остальных.

— Нет, мы больше никого не взяли. Не все справятся с таким делом.

— А ты справишься?

— Если винтовку дадите, небось не оробею.

— Зачем же тебе винтовка?

— Что же, с голыми руками на буржуёв идти? Вы с винтовками, а мы так?

— Понимаю, — задумчиво сказал Жора. — Вот где мы только тебе винтовку возьмём?

— А под скамейками в вагонах вон сколько навалено, и артсклад рядом.

— Значит, и этот секрет открыл?

Женька замялся.

Комсомольцы сдержанно смеялись.

— А что у тебя за узелок?

— Картошка там.

— Так много? Тебе на целую неделю хватит.

— Мы хотели с германскими ребятами поделиться, им на голодное брюхо трудно приходится.

— Сколько же ребят ты можешь накормить твоей картошкой?

Женька быстро сосчитал в уме.

— Семь человек.

— А в Германии голодают тысячи. Многие тысячи... Но ты молодец! — Жора хлопнул Женьку по плечу. — Наша картошка поможет германским рабочим выстоять, поможет им бороться. Товарищи комсомольцы! — обратился секретарь к комсомольцам. — Германский пролетариат ведёт борьбу не на жизнь, а на смерть с гидрой империализма. Можем ли мы остаться в стороне от этой борьбы? Кто им поможет? Есть только одна страна на земном шаре, которая помогает рабочим, это Союз Советских Социалистических Республик. Это мы с вами. Сегодня вечером Борис Лещинин доложит нам о положении на фронтах революции в Германии. Ты подготовил доклад, Борис?

— Да, подготовил, только вот карта...

Жора прервал его:

— А ну, выгружай оружие, братва!

Из вагонов полетели на насыпь мешки и лопаты.

Женька и Янек стояли, раскрыв от удивления глаза.

— Наш комсомольский субботник мы посвящаем германскому пролетариату, — продолжал секретарь райкома. — И пусть никто не подумает, что это скучное, будничное дело. Всякая помощь товарищам по классу, по революционной борьбе — благородное

дело... Но если потребуется, мы с оружием в руках, презирая смерть, придём на помощь германскому пролетариату в его борьбе за свободу. А пока за лопаты, комсомольцы. Выдайте лопаты и мешок пионерам.

Женька вздохнул и посмотрел на Янека.

— Поможем германскому пролетариату? — спросил он друга.

— Конечно, поможем, — ответил весело Янек и побежал за лопатой.

Женька вынул из-за пазухи свёрток, развернул его, отбросил прочь обёртку — выкройку рукава с вырванным куском.

— Возьми, Борис, карту Германии, — сказал он, — может быть, она тебе пригодится.

— И как ещё пригодится! — обрадовался Борис.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой»
в 1987 году выходят следующие книги:

Кузьмин Л. ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА.

Рассказы о жизни сельских ребят, о дружбе и трудолюбии.

Романовский С. ПЕВУЧАЯ ГОРА.

Рассказы о деревне, о современных ребятах.

Фадеев А. МЕТЕЛИЦА.

*Отрывок из романа «Разгром» о событиях гражданской войны
на Дальнем Востоке.*

Для младшего школьного возраста

Зоя Ивановна Воскресенская

КРАСНЫЙ БАНТ

Рассказы

ИБ № 9496

Ответственный редактор *С. В. Орлеанская*. Художественный редактор *М. Д. Суховецова*.
Технический редактор *Е. В. Бугашина*. Корректор *Л. А. Лазарева*. Сдано в набор 05.12.86.
Подписано к печати 31.03.87. Формат 60×90^{1/16}. Бум. офс. № 2. Шрифт обыкновенный.
Печать офсет. Усл. печ. л. 2,0. Усл. кр.-отг. 2,5. Уч.-изд. л. 1,37. Тираж 1 500 000 экз.
Заказ № 1346. Цена 5 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли, 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР, 170040, Калинин,
проспект 50-летия Октября, 46.

